

К.Н. Любу́тин,
П.Н. Кондрашов*

ПОНИМАНИЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ

Проблема *понимания* (Verstehen) является одной из наиболее важных, значимых и центральных социально-философских и социологических проблем, ибо без наличного функционирования понимания (взаимопонимания) оказывается невозможной никакая социальность в принципе, ибо последняя фундирована в совместной деятельности, которая а priori предполагает хотя бы некоторую степень понимания друг друга индивидами, совместно выполняющих *общие* операции.

Более того, феноменологически «понимание» относится не только к собственно совместной деятельности индивидов (где оно в самом простом, вульгарном смысле означает некоторый момент упорядоченности действий, которая вообще может и не быть пониманием в подлинном смысле этого слова, оказываясь внешним подражанием, которое следовало бы определить если не псевдопониманием, то уж точно квазипониманием). Помимо этого мы говорим еще и о понимании текста, речи, события, побуждений и мотивов действующих людей, выражений лица, эмоциональных состояний, говорим о понимании исторической и культурной реальности, о понимании произведений искусства и математических формул, о понимании на основе сопереживания и идентификации эмоций другого человека, наконец, о понимании принципов действия того или иного агрегата, механизма и т.д., и т.п. Этот ряд разновидностей понимания, взятого по его объективной или субъективной стороне, можно продолжать бесконечно, но мы попытаемся здесь остановиться только на *онтологической* стороне вопроса, совершенно не касаясь семиотики, гносеологии, герменевтики и других новомодных веяний нынешней «постсовременности». Мы, как это ни странно звучит сегодня, постараемся быть *современными*.

В связи с этим в современной (да и в «постсовременной») философии, социологии, лингвистике, психологии, истории и других науках возникло множество различных теорий, объясняющих и разъясняющих феномен «понимания». Возникли даже такие направления мысли как «понимающая социология» и «понимающая психология». Но в данной статье мы не будем специально давать критический разбор всех этих многочисленных концепций, а попытаемся в *положительной* (некритической) форме изложить свое предварительное видение проблемы понимания, опираясь на деятельностную методологию классического марксизма.

* Любу́тин Константин Николаевич – главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук, профессор; Кондрашов Петр Николаевич – аспирант ИФиП УрО РАН.

Чтобы пояснить наше понимание «понимания», мы должны начать несколько издалека и изложить общие онтологические предпосылки, в которых фундируется этот феномен.

С точки зрения К. Маркса, сущностью человека является целесообразная преобразующая деятельность, практика, посредством которой людьми *совместно* совершается производство и воспроизводство их *совместного человеческого* существования. В этой исходной посылке – совместной целесообразной деятельности – фундируется все содержание человеческого бытия. Человек живет посредством деятельности, и в этом смысле деятельность представляет собой *способ человеческого существования*¹.

Поэтому деятельность представляет собой не какую-то «особенность» человеческого бытия, наряду с другими подобными «особенностями», вроде наличия мягких мочек ушей или плоских ногтей, но она есть фундамент, основа, базис, на котором вырастает человеческое общество, она (деятельность) есть *субстанция* человеческого способа бытия, *то, что лежит в основе* (лат. *sub-stantia*) этого бытия. Деятельность – это и есть сам способ человеческого существования. Но при этом надо всегда помнить, что человеческая деятельность – это всегда социально (совместно) организованная деятельность.

Наш путь рассмотрения будет представлять собой постепенную аппроксимацию (приближение) от самого простого, поверхностного определения феномена «понимания» к наиболее *онтологически* фундаментальной его дефиниции².

Первое приближение: понимание – это *уразумение смысла деятельности*.

Если *понимание* – это уразумение смысла, то мы, в первую очередь, должны прояснить понятие «смысла» и того, в каком плане это понятие употребляется в данном контексте. Обычно *смысл* определяют как «содержание выражения, которое усваивается в процессе его понимания»³. Такое определение вполне релевантно для логики или лингвистики, но нам надо пробиться к осознанию

¹ В силу этого, например *общество*, по Марксу, представляет собой не простой конгломерат человеческих индивидов или социальных групп, а *форму совместной деятельности людей*.

² Ср. иерархию различных видов Verstehen в: Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: МГУ, 1994 (<http://www.nsu.ru/psych/internet/>): от (1) глубокого понимания (знания-о), через (2) простую осведомленность (ознакомительное знание) до (3) слепой веры в вещи, которые принимаются как само собой разумеющиеся. В целом здесь Альфред Шюц трактует понимание как определенную форму *знания*, что связано с его ориентацией на феноменологический метод исследования, в рамках которого все предстает в качестве различных видов *опыта*. Мы же пытаемся вскрыть социально-объективные фундаментальные механизмы деятельности, посредством которых такой опыт становится вообще возможным.

³ Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1997. С. 114.

того, *каким образом* конституируется смысл не только «выражения, высказывания», но и всякого явления, и прежде всего человеческой деятельности, ибо всякое иное явление получает смысл, который затем усваивается в процессе понимания, только из этой человеческой деятельности.

Смысл (значение)¹ конституируется посредством *цели, то-для-чего* нечто существует. Именно цель как *то-для-чего (то-к-чему)*² и дает нам некоторую осмысленность того или иного феномена. Наше деятельное присутствие-здесь детерминировано определенной потребностью, на основании которой мы положили цель, а последняя конституировала смысл (осмысленность) этого присутствия-здесь. Жизнь и деятельность *имеет смысл* только тогда, когда есть цель в жизни, тогда и сама эта жизнь становится цельной, имеющей смысл, осмысленной.

Таким образом, можно сказать, что смысл появляется (формируется, конституируется) только тогда, когда у нас есть некоторая цель (telos) в будущем. Пока мы движемся к этой *известной нам* цели, то время этого движения³ имеет смысл, ибо мы осознаем, *осмысл-яем* то, к чему и для чего, собственно, движемся. *Уразумение смысла*, таким образом, мы схватывает в процессе *осознанности*. *Осознанность – это понимающее схватывание смысла деятельности, фундированное в целеполагании*. Попробуем пояснить это на каком-нибудь примере. Например, мне захотелось есть. Мое сознание сработало типичным образом в типичной ситуации типичного обывателя: чтобы удовлетворить свою потребность в пище, надо иметь сам предмет потребности, то есть пищу. Последнюю продают в магазине⁴. Следовательно, чтобы удовлетворить потребность, мне надо сходить в магазин. Моя цель – сходить в магазин и купить пищу. Итак, потребность истолкована, цель поставлена, надо ее реализовывать. Цель – это идеальный, предвосхищающий образ желаемого результата. До того, когда я начну движение к магазину в действительности, я пришел в него уже заранее в своем мышлении, будущее желаемое состояние оказалось существующим в настоящем. Получается так, что мое действительное движение к магазину представляет собой движение к ситуации, априорно существующей в моей голове. Вот этот-то момент априорной известности предполагаемого и ожидаемого конечного результата и создает фундамент

¹ «В философской традиции и в повседневности *смысл* то же, что и значение» (Современный философский словарь. Екатеринбург, 1998. С. 480).

² Надо помнить, что русское слово *цель* этимологически восходит к древнегреческому слову *to telos*, которое означало *конец, окончание, завершение*. Ср., например, *teleo* – *оканчивать, исполнять, совершать*; *teleo hodon* – *оканчивать путь*.

³ *А время этого движения*, собственно говоря, и есть темпоральный фрагмент нашей жизни.

⁴ В действительной реальности мне, конечно же, предоставлены еще и иные альтернативы вроде: сходить в столовую, сходить к соседу или приготовить пищу самому.

для возникновения исследуемого нами феномена осознанности. Так, если мне известен результат движения, то я *знаю* о необходимости каждого элемента этого движения, я *понимаю* то, зачем («для-чего») я вообще иду в магазин, – мои действия только тогда приобретают *смысл* (осмысленность), когда я знаю это конституирующее мою деятельность «для-чего» этой деятельности. В силу того, что я выбрасываю в целеполагании самого себя в будущее, трансцендирую себя в это будущее, но при этом содержание данного будущего в предвосхищенной форме существует в настоящем, то значит, что темпоральная протяженность между этими двумя моментами (настоящим и будущим) будет иметь для меня смысл как длительность, разделяющая предвосхищение и его действительное воплощение. Это время будет иметь смысл только потому, что я знаю, что оно необходимо для совершения действий, направленных на удовлетворение моей потребности. Время между настоящим и будущим и мои действия в этот период будут иметь для меня смысл, так как я знаю для-чего я совершаю данные действия (иду в магазин) и я знаю, что для совершения этих действий необходимо некоторое время. Это знание составляет схватывание смысла ситуации, то есть понимание. При этом надо учитывать и тот немаловажный факт, что фундаментально и цель, и результат суть одно и то же, обладающие лишь различными онтологическими статусами. Результат деятельности отдален от момента постановки цели (целеполагания) во времени. Но коль скоро по своему существу они – одно и то же, следовательно, между ними имеется онтическая связь, а именно – человеческая работа по превращению цели в результат. Но так как цель поставлена изначально, то и весь путь от цели до результата будет для субъекта иметь смысл, ибо это путь удовлетворения его собственной потребности. Это «имение» смысла и есть *осознанность*, которую можно после этих разъяснений определить как *отчет о побудительных мотивах своей деятельности, отчет, который отдает себе сознательно действующий субъект*. Следовательно, осознанность – это *понимание того, для чего что-то делается*.

В данном случае ситуация «понимания Другого» будет состоять в том совершенно простом аспекте, что экстраполирую свою ситуацию целеполагания/осознанности на его действия и провожу между ними некоторую аналогию, то есть занимаюсь, выражаясь языком феноменологии Э. Гуссерля, *аппрезентацией*. Но такое аппрезентативное «понимание» оказывается самой непосредственной, лежащей на поверхности формой *Verstehen*.

Таким образом, мы приходим к понятию *осознанности смысла* (*пониманию значения*) определенной деятельности, то есть к уразумению ее смысла, – пониманию того, для-чего¹ эта деятельность со-

¹ В данном социально-онтологическом контексте нас совершенно не интересует проблема мотивации этой деятельности, которая, безусловно, окажется важнейшей в социологическом аспекте рассмотрения данной проблематики.

вершается. Но, как мы сказали выше, нас интересует вообще всякая феноменальная фактичность понимания. Поэтому, двигаясь дальше, мы от деятельности с неизбежностью переходим к той *предметности*, которая возникает в результате развертывания этой деятельности и среди которой эта деятельность развертывается, ибо всякая человеческая деятельность всегда оказывается *предметным* праксом. Поэтому «понять» действия Другого (в самом широком смысле) невозможно без учета того социально-предметного универсума, в котором этот Другой действует.

Второе приближение: понимание – это раскрытие и смысловое воспроизведение предмета.

В процессе своего непосредственного существования (осознанной деятельности), то есть удовлетворения нужды, совместно действующие индивиды, застают некоторый пред-данный им природный универсум. В этом априорном для них мире существуют свои собственные, *естественным* путем сложившиеся связи и отношения: растущий здесь тип растений фундирован в налично существующем климате и типе почв, трофические связи между живыми организмами отсылают волка к зайцам, зайцев к растениям и т.д. Априорный мир природы – это внутренне упорядоченный универсум отношений взаимного *отсылания* одного явления к другому, такого отсылания, когда одно явление либо генетически, либо функционально, либо сущностно фундируется в другом явлении, каузально зависит от него в своем налично данном присутствии.

Человеческая деятельность, накладываясь на этот природный универсум, *преобразует* его определенным образом, приспособляя его под удовлетворение своих нужд. *Конкретное содержание* деятельности с необходимостью определяется конкретикой того природного ландшафта, среди которого и в котором эта деятельность развертывается: безлесный мир тундры предполагает в качестве каркаса для жилища использовать кости мамонта или оленя, а не сосновые бревна, ибо таковых просто-напросто *нет* в универсуме тундры. В этом отношении деятельность всегда конкретно-предметна, а потому уже в силу этого понятно, что «человеческая деятельность вообще» – это научная конструкция. В методологическом отношении это означает, что каждая конкретная ситуация, каждый конкретно-исторический объект, с необходимостью требуют *конкретного метода своего исследования*¹.

В силу того, что одним из самых фундаментальных свойств человеческого способа присутствия является его *преобразующий* характер, это значит, что совместно действующие человеческие существа, изменяя априорно данный природный мир, на его основе создают новый мир – мир искусственных предметностей, *предметный универсум* («вторую природу», культуру в широком смысле

¹ К подобной мысли обществоведы начинают приходить только в конце XX – начале XXI в., в то время как Маркс говорил об этом еще в середине XIX в.

слова). Предметы этого универсума в своем происхождении фундированы в мире природы: нож первобытного охотника отсылает к кремневой жиле на соседней скале, лук – к зарослям орешника у излучины реки, бусы женщин – к россыпи разноцветных камней на берегу, одежда первобытного человека – к шкуре животного. Предметы, отсылая к природным явлениям, встраиваясь в структуру их естественных отсыланий тем не менее начинают конституировать свои собственные отношения функциональных фундированностей, отличных от естественно складывающихся природных связей: лук отсылает к тетиве и стреле, а они – к умению стрелять, сама же стрельба – к необходимости добывать пропитание. Стол отсылает к стулу, но также и к тому, *что* за этим столом делает человек, сидя на стуле. Таким образом, в мир привносится *целевая детерминация*, в то время как ранее существовала только детерминация каузального типа¹.

Универсум *предметных* отсыланий конституируется в процессе совместной человеческой деятельности, в которой люди, *работая вместе*, формируют общий (интерсубъективный) для себя самих мир. Этот мир представляет собой систему внутренне упорядоченных отношений отсылания между людьми и теми предметами, среди которых бытийствуют индивиды и с помощью которых эти индивиды удовлетворяют свои потребности². Вне этого мира *конкретных* связей с предметами человека *нет*, и поэтому прав был молодой Маркс, когда говорил (правда, в несколько ином контексте), что «человек – это *мир человека*»³.

Именно в этом, совместно создаваемом в практике мире, и «функционирует» такой феномен, как *понимание*. Более того, он оказывается необходимым условием возможности бытия такого мира, а значит, и необходимым условием совместной практики, в ре-

¹ Как было показано выше, именно целевая (телеологическая, целеполагающая) детерминация деятельности конституирует условие возможности ее схватывания в сознании, ее осознанность, то есть понимание ее смысла.

² Отсылания-к, собственно говоря, представляют собой каузальные и каузально-телеологические связи между явлениями любого онтологического порядка, сложившиеся в данном универсуме либо стихийно (сами-собой), либо сознательно. Природные связи каузально-стихийны. Люди же своими *сознательными* и *целесообразными* действиями в природном универсуме конституируют определенную, соответствующую этому природному универсуму, социальную структуру предметностей и взаимодействий, то есть люди своими взаимодействиями конституируют *социальность*. Но та структура взаимодействий, которая изначально складывается из осознаваемых действий индивидов по обеспечению своей жизни, в своем складывании, формировании постепенно конституируется в структуры, которые существуют уже *вне сознания* индивидов, существуют как сложившиеся формы их взаимодействия с предметами окружающего их универсума. Эти закрепленные в практике интеракции вместе со всеми взаимодействующими сторонами (индивидами, вещами, природой, языком, эмоциями и т.д.) и составляют *социально-предметный универсум*.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 414.

зультате которой создается природно-предметный совместный (социальный) мир. Попробуем в самом ближайшем приближении рассмотреть то, что представляется собой этот фундаментальный феномен *предметного понимания*.

Человеческая деятельность есть *практика*, в результате развертывания которой возникает *искусственный предметный мир*. Искусственность предметного мира фундирована в процессе целенаправленного *опредмечивания*, когда идеальные мыслительные конструкции и структуры посредством физических операций овеществляются в природном материале, когда, выражаясь языком Аристотеля, *форма* привходит в *материю* и возникает *материализованная форма*, или *оформленная материя, предметность*. Но сама по себе эта *форма* есть *идеальное* в том смысле, в котором этот термин понимал Маркс¹.

С одной стороны, в этой предметности оказываются опредмеченными, свернутыми те идеи, которые в них при проектировании, производстве и использовании вкладывали их создатели. Так, например, обычная ученическая линейка, лежащая перед нами, в имплицитном виде содержит несколько предназначений.

1. То-для-чего² она была создана, то есть смысл своего использования. Она была, очевидно, создана для *измерения*.

2. Это отсылает нас к той потребности, которая изначально инициировала, вынудила, заставила человека создать такой прибор для измерения, а именно к потребности нечто подвергнуть учитывающему измерению. *Геометрия*, как мы помним, возникла из *γῆ* и *μέτρον*³.

3. Подручный способ использования линейки, который укоренен в ее размере: эта линейка – не большая строительная рулетка и даже не большая метровая портняжная линейка, а простая 20-сантиметровая деревянная линейка, а *γῆ* предполагает измерение небольших объектов, повседневный способ измерения.

4. Этот повседневный, подручный способ постоянного измерения отсылает нас к тому предметному горизонту, в который погружено бытие линейки. Если линейка есть нечто повседневное и привычное, она лежит на письменном столе у каждого школьника, то значит мир, в котором люди так запросто пользуются линейками, в их сознании уже *размечен* и *измерен*, а то, что встречается вновь – подлежит измерению⁴. В линейке, простом предмете, на который ма-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 189 («В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, то есть идеально»).

² Хайдеггер М. Время и бытие. § 17, 1993.

³ Греч. *γῆ* – земля, *μέτρον* – измерение, собственно, означает *землемерие*.

⁴ Ср.: Данилов В., Кралечкин Д., Ушаков А. Размер и смысл // Lebenswelt.ru, где, в рамках феноменологического подхода, размер удаляется, элиминируется («редуцируется») из мира *идей*. Это хорошо иллюстрирует тот простой факт, что мир феноменологических вещей никоим образом не есть мир *действительных вещей*, –

ло кто обращает и внимание-то, свернут размечающе-учитывающий дух нашей культуры, который в наиболее радикальной форме в свое время выразил Макс Планк: «То, чего нельзя измерить – не существует». Мир, в котором мы живем, уже расчерчен по линейке (прямые улицы городов вместо обычных для сельского пейзажа тропинок; аккуратные домики, словно вычерченные по линейке; господство параллельных и перпендикулярных линий, прямых углов и окружностей), мир уже *раз-мерен* (расстояния; карта мира с параллелями и меридианами, со шкалами глубин и высот; скорости; расписания поездов, автобусов, занятий, времени приема пищи, приема лекарств, работы магазинов; даже интеллектуальные способности человека и те оказались измеренными по шкале IQ), мир уже упорядочен как в действительности, так и в нашем представлении о нем. Наша жизнь погружена в стандартизированный мир размеров, стоимостей, цен, расписаний, мер и т.д.

С другой стороны, предметность предполагает момент *распредмечивания* ранее опредмеченных мыслительных структур. Рождающийся сегодня человек ничем биологически не отличается от человека, родившегося 20 тысяч лет назад. Но они попадают в *разные* предметные универсумы. Ребенок, родившийся сегодня, будет обречен на то, чтобы жить в уже-заранее, априорно *раз-меренном* мире. Все его бытие – от рождения до самой смерти¹ – будет протекать в расчерченных по линейке структурах предметного наличного бытия, в мире, который был создан другими людьми, но который *для него* будет выступать уже как естественная среда. Поэтому, бытийствуя в мире, он вынужден будет включаться, встраиваться в эти существующие структуры. А что это за структуры? Это природно-предметный универсум. В процессе своего наличного существования человек будет пользоваться тем, что создали другие люди до него, например, той же линейкой. В процессе обучения и ее дальнейшего использования этот человек будет постепенно *распредмечивать* те смыслы, которые вложили в нее ее создатели. Человек, используя предмет, делает «логику предмета», вложенную в него другими, своим собственным достоянием².

В процессах практического освоения (использования) предметов, созданных до нас, мы встраиваемся в исторически конституи-

для феноменологической вещи (интенциональной конструкции нашего сознания) размер действительно не важен, но, как пишут сами авторы, *реальные ботинки могут не подойти по размеру*.

¹ И даже итог жизни будет зафиксирован в виде *измеренного* промежутка времени: на могильной плите напишут даты рождения и смерти. И проходящие мимо равнодушные люди будут фиксировать только этот момент: он прожил *столько-то* лет.

² Если выразиться не философскими, а социологическими терминами, то когда мы говорим о *распредмечивании*, речь в первую очередь идет о процессах, подобным *социализации*, то есть процессах и механизмах включения индивида в социальные структуры, как бытийные, так и семантические.

рованный социальный универсум предметов, которые при нашем их использовании «говорят» нам о тех, кто их создал, вкладывая в их подручную форму и механику использования некоторые «то-для-чего», то есть *смыслы*. Нам же надо только «услышать» эти смыслы предметов в процессе их подручного использования: только пользуясь вилкой, ложкой, стаканом, стулом, столом, дверью, ручкой, шнурками от ботинок, рубашкой, телевизором и т.д. и т.п., я *осваиваю* предметный мир конкретно-исторически данного мне социально-предметного универсума. Только *пользуясь* всеми этими вещами, языком и т.д., я в своей деятельности интериоризирую, распредечиваю практически-деятельностные смыслы, вложенные в эти вещи и слова теми, кто их создавал. Мир прошлого, мир сделанного, мир уже-конституированного *оживает* в моей собственной практической деятельности с этой, казалось бы, мертвой предметностью. *Линейка* «рассказывает» мне о том мире, в котором я, действуя, живу.

Таким образом, в своей практической деятельности с предметами я раскрываю для своего собственного осознания смысловое содержание предмета, то есть *понимаю* предмет в его практически-смысловом воспроизведении. Такое понимание – это уже не примитивная «аппрезентация», которую, вообще говоря, сложно назвать пониманием. В практическом орудовании предметностью фундируется понимание *социальной* историчности человеческого способа присутствия. А это означает, что мы далее должны рассмотреть интерсубъективный аспект понимания, то есть такую его сторону, когда феномен понимания осуществляется не относительно моей деятельности как таковой и не относительно моей деятельности с вещами, а относительно деятельности с *другими людьми*.

Третье приближение: понимание – это одинаковая интерпретация явления разными индивидами¹.

Наложение целесообразной деятельности на конкретную природную среду (в которой уже определенным образом а priori конституированы естественные отсылания) детерминирует возникновение *определенного* мира подручных предметов. Между этими предметами устанавливается определенная система генетических, функциональных и сущностных отсыланий, которые включают в себя:

- «что» (предметную сторону);
- «как» (способ изготовления, способ использования и способ связи с иным);
- «почему» и «для-чего» (мотивы и цели использования);
- «на основании чего» (умения и навыки, традиция);
- «с кем» (если это непосредственно совместная форма деятельности).

Отсылочные действия-с-предметами («работа руками») постепенно конституируют отсылания в сфере *смыслов*, «мыслей»: то,

¹ Кондрашов П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество, 2006. № 3. С. 106.

как я действую с предметами, ориентируюсь среди них, порождает такое же действие в области психики с мыслями об этих предметах и действиях с ними, постепенно формируется взаимоупорядоченная связь между этими «мыслями», образами, целями, «мыслями» о «мыслях» и т.д. Человек, действуя в структуре предметных отсыланий, начинает *мыслить* сообразно с этим алгоритмом действий, ибо другого ему, собственно говоря, не дано. В этом смысле мышление представляет собой как бы «заместителя» реальных действий, который функционирует в форме внутренней речи (П. Жане). Мышление действительно представляет собой способ ориентации-среди-предметов: «мышление, если его определять в самом общем виде, и есть не что иное, как способность обращаться с любым другим телом, находящимся вне своего собственного тела, сообразно с формой, расположением и значением его в составе окружающего мира»¹. Эту сферу, которая при соответствующих условиях «отрывается» от непосредственной деятельности и начинает вести квазиавтономное существование, принято именовать сферой «сознания» (в широком смысле этого слова).

Таким образом, наложение деятельности на конкретный природный универсум приводит к возникновению предметного мира, действия людей в структурах отсыланий которого конституируют универсум сознания (мышления-о-бытии). Человеческие существа бытийствуют в этих отношениях взаимного отсылания природных явлений, предметов и мыслей друг к другу, взаимопроницающего отсылания своих действий и целеполаганий друг к другу, взаимного со-отношения самих себя друг другу. В процессе такого деятельностного коммуникативного взаимодействия, лежащего в основе возможности социальности как таковой, постепенно конституируется то, что мы называем *социальным универсумом*, такая *интерсубъективная тотальность* всех наличных условий совместного человеческого бытия, включающая людей с их сознательной преобразующей деятельностью, индивидуальное и общественное сознание, природу, технику и способы ее использования, общественные и межличностные отношения, нормативно-регулятивную надстройку, инфраструктуру, разного рода артефакты и т.д. Тотальность социального универсума полагается тем, что все эти условия являются *необходимыми* моментами для действительно наличного бытия людей.

В рамках этой социальной тотальности люди, практически действующие индивиды, соотносятся друг с другом. Но в силу социально-классовой расчлененности социальной тотальности, люди действуют в различных социально-предметных контекстах, универсумах. Конечно, чисто структурно их деятельность идентична в любых условиях, поэтому они изначально как существа практически действующие понимают, уразумевают смысл своей деятельности,

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 273.

равно как и смысл (то-для-чего) той предметности, которой они орудуют в своей практике. Однако этих форм понимания еще недостаточно, чтобы мы могли вести речь о *тотальном понимании* людей друг другом. Приведем какой-нибудь пример, взятый из повседневности.

Скажем, я пью водку в рюмочной, а сосед – только французское вино в ресторане. Поэтому, когда между нами заходит речь о выпивке, то обыденная практика каждого из нас отсылает к совершенно различным связям и контекстам возможного присутствия: для меня ситуация выпивки соотносится с обычной забегаловкой, в которую после каждой смены заходят рабочие с соседнего завода, они одеты в обычную одежду, их разговоры во время распития дешевых спиртных напитков, сдобренные грубым матом, не выходят за рамки их рабочих или семейных будней. Для соседа же его ситуация выпивки связана с состоянием праздника, хорошей музыкой, с людьми, одетыми в дорогие костюмы и платья, изящно говорящими о бизнесе или искусстве.

Казалось бы, мы живем в одном подъезде, ходим по одним и тем же улицам, и поэтому должны *понимать* друг друга в таких простых вещах, как выпивка. Но вот оказывается, что когда мы говорим о ней, то говорим о совершенно различных контекстах и ситуациях, и поэтому ни о каком *понимании* в полном смысле этого слова речь в данном случае идти не может. Мою ситуацию может понять только тот, кто постоянно находится в той же ситуации, например рабочий из рюмочной. Но он уже не поймет мою ситуацию преподавателя философии или ситуацию инженера, потому что они для него суть нечто не-его-собственное. Конечно, нам *представляется*, что мы *понимаем* друг друга, но в действительности такое «понимание» оказывается всего лишь видимостью, которая порождается тем, что мы разговариваем на одном и том же языке. Но слова языка, обозначая определенные явления, выражают наши индивидуальные ситуации, поэтому каждый из нас при каком-нибудь слове, например при слове «выпивка», сразу же воспроизводит в своем сознании привычную для нас ситуацию, связанную с тем явлением, которое обозначается этим словом. Восприятие слов неотделимо от тех коннотационных отсылок, которые конституируются нашей непосредственной жизнью. Говоря более просто: при слове «выпивка» у меня в голове возникает один образ и соответствующие переживания, у соседа – совершенно другой образ и совершенно другие переживания, которые никак не коррелируют с моими. А понимать – это значит *одинаково* интерпретировать одно и то же явление разными людьми. Мы же с соседом *не идентично* интерпретируем явление выпивки, поэтому мы не понимаем друг друга в полном смысле этого слова. Выражаясь современным философским языком, можно сказать, что у нас нет «общности опыта», а значит, и нет общезначимости результатов такой общности опыта,

то есть в данном отношении между мною и соседом не возникает *тотальной интерсубъективности*. Собственно говоря, таковая вообще невозможна¹.

Безусловно, в большинстве других ситуаций между нами – мною и моим соседом по лестничной площадке – существует интерсубъективность, ибо в своем проживании мы пользуемся одинаковыми вещами: ложками, вилками, ножами, тарелками, машинами, дорогами, магазинами, одеждой, туалетами и т.д. В силу этой общности и конституируется интерсубъективность, которую мы понимаем в широком смысле как общность опыта взаимодействующих субъектов и общезначимость результатов этого опыта для этих субъектов, которая делает возможным феномен понимания.

Но повседневность включает в себя не только общезначимые для нас двоих ситуации, но и ситуации различия. Более того, между нами достаточно много интерсубъективных ситуаций, ибо мы живем в подобных условиях. Но в десяти километрах от нас в деревне живет дед моего «нового русского» соседа, повседневность которого уже более существенно отличается от нашей городской повседневности: он живет не в благоустроенном доме, а в деревенской хате, потому, когда ему надо набрать воды, его повседневная практика отсылает его к колодцу на соседней улице, а не к водопроводному крану. Он никогда не был в ресторане, никогда не пил французского вина и никогда не носил костюма, в отличие от своего продвинутого внука. И поэтому у него не может конституироваться никакой интерсубъективности в *этом отношении* ни со мной, ни тем более со своим собственным внуком.

Конечно, мы что-то схватываем общее (например, всем нам ясно, *что* такое выпивка), но феномен понимания всегда включает в себя интерпретацию ситуации, в которой используется данная вещь², то есть включает в себя так называемое «скрытое, неявное» знание².

¹ Здесь следует сделать одну существенную оговорку. Конечно, в современном мире усредненной посредственности, когда «средний» человек (*das Man*) штампуется по одинаковому культурному образцу, тотальное понимание возможно в том смысле, что люди живут не глубинной жизнью, а *поверхностно*. И поэтому, чтобы «человеку» Иванову «понять» другого «человека» Петрова необходимо только быть самим собой – «человеком» Ивановым, так как никакой фундаментальной разницы между ними даже при самом тщательном исследовании обнаружить, к сожалению, не удастся. Эта тотальная одинаковость сознательно закрепляется в различных формах стандартизации бытия (образования, труда, бытовых условий, рекламы, моды и т.д.). Усредненная поверхностность становится *нормальностью, естественностью* нашего присутствия. Но этот процесс превращения основной массы в усредненную посредственность, то есть в быдло, является выражением желания господствующего класса сохранить наличную форму бытия – капитализм: управлять быдлом легче всего. Тотальная стандартизация – это новая форма контроля над эксплуатируемыми социальными группами и быть может в этом смысле – имманентная логика современного капитализма.

² Майкл Полани называет такое знание *tacit knowledge, имплицитное знание* (см.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.,

Если мне в музее первобытного периода покажут предмет, изготовленный первобытным человеком, и скажут, что это – «орудие труда», то я, безусловно, *пойму*, что значит выражение «орудие труда». Но мое «понимание» будет только моим пониманием, его содержание никоим образом не будет соотноситься с тем, *что и как* понимал первобытный человек, когда держал в руках это «орудие». Более того, я в рамках своего «понимания» для-себя с необходимостью привношу в это «орудие труда» какие-то современные коннотации. В подобном *предпонимании* я не схватываю самого существенного – *для-чего и как* – этого орудия, то есть того, *для* выполнения каких работ оно применялось и *как* оно при этом использовалось.

Чтобы это уразуметь, мне необходимо не просто проделать фокусы с «трансцендентальной редукцией», которая совершенно *бесполезна* в действительно историческом познании, как и вообще всякая феноменология в гуссерлевском смысле. Но мне надо для этого погрузиться в те контекстуальные предметные связи (отсылания), в которых когда-то действительно разворачивалось использование этого конкретного «орудия». А для того чтобы пробиться к *такому* уразумению, мне необходимо воспроизвести повседневные ситуации, в которых это «орудие» использовалось. Но повседневность, как мы помним, сущностно вплетена в культурно-исторические и формационные условия бытия людей. Значит, чтобы *понять* сущность всего лишь одной заостренной камнем палки, необходимо знать тотальный контекст, в котором эта палка использовалась. Только такое *знание* тотальности социального контекста, в котором люди когда-то пользовались этим «орудием труда», позволит мне действительно понять его «для-чего» и его «как», а значит в некотором отношении позволит конституировать интересубъективность с людьми той эпохи.

Таким образом, интересубъективность достигается только в совместной деятельности, то есть такой деятельности, когда индивиды (пусть даже их разделяют сотни тысяч лет) действуют одинаково. В нашем случае это означает, что я буду иметь «общий опыт» с первобытным человеком тогда, когда я что-то буду делать-как-он этим орудием. Можно сказать, что в этот момент в моем сознании формально будут протекать те же мысли, какие когда-то протекали в голове первобытного человека. Мои действия с данным «орудием труда» позволят мне *распредметить* те социальные смыслы, которые свернуты в этом предмете. Интересубъективность,

1985); у А. Сикурела (*Cicurel A. Cognitive Sociology*) такое знание называется «фоновым». Ясно, что в структуру такого знания с необходимостью включаются все предшествующие переживания, контекстуально-ситуативные моменты, а также условия классовых позиций, детерминирующих частичную *видимость* (Schein) тех или иных моментов явления.

которая является условием возможности понимания, таким образом, конституируется из совершения идентичной деятельности различными людьми¹.

Четвертое приближение: понимание – это совместное деятельностное осознание целеполаганий другого в контексте горизонта его универсума отсыланий-к.

Как мы установили выше, *понимание* какого-либо феномена фундировано в нашей *совместной деятельности*: если мы что-то делаем одинаково и при этом достигаем одинаковых желаемых целей в результате развертывания этой деятельности, то тогда мы, одинаково действующие, будем идентично интерпретировать эту деятельность, то есть будем *понимать* смысл этой деятельности. Таким образом, *понимание* представляет собой одинаковую интерпретацию одних и тех же явлений разными людьми, интерпретацию, одинаковость которой фундирована в совместной деятельности.

Понимание может осуществиться только тогда, когда субъекты коммуникации экзистенциально погружены в один и тот же повседневный универсум деятельности. *Понимать* означает не просто интерпретировать, как это имеет место в герменевтике, но означает: схватить предмет в имманентной деятельностной логике его использования другими людьми.

Возможность понимания фундируется в совместной деятельности и прежде всего – в моменте целеполагания, совпадающего у различных индивидов относительно планируемых и ожидаемых результатов. Целеполагание детерминирует конституирование схватывания смысла совершаемых действий ради достижения некоего результата в будущем, то есть осмысленность, осознанность осуществляемой деятельности. Осознанное целеполагание, осознанное различными индивидами как раз-то и дает возможность появиться феномену понимания в его наиболее базисной форме – форме *предметно-деятельностного осознания содержания целеполаганий Другого*.

А так как цели полагаются на основании некоторых потребностей, а последние фундированы в наличном бытии людей (разные социально-предметные универсумы диктуют свои собственные потребности: в тундре нам не нужен крем от загара, в то время, как он необходим в субтропиках). *Цели*, которые ставят себе индивиды в своей деятельности, «ограничены» потребностями того конкретно-

¹ В свою очередь, такое понимание-из-идентичной-деятельности подготовит почву для в-живания, в-чувствования в ту далекую эпоху, создаст условия возможности понимания духовных процессов, которые имели место тогда. Если социолог желает действительно понять деятельность («поведение») другого, то он должен эксплицировать ту систему отсыланий, которая свернута в деятельности этого «другого». Только так мы получим действительно подлинное историческое исследование, которое не сводится ни к априорному конструированию исторической реальности, ни к банальному конгломерату фактов, ни к простому описательному повествованию, ни к исторической динамике формаций или религий.

исторического и конкретно-предметного универсума, в котором они бытийствуют. Это, таким образом, означает, что совокупность (универсум) возможных целей детерминирована универсумом потребностей, а последний конституируется и наполняется содержанием и структурой наличного человеческого бытия. Отсюда видно, что устройство социального бытия порождает потребности и, соответственно, цели нашей деятельности. Поставленная цель *отсылает* нас к поиску тех средств, с помощью которых мы можем реализовать свою цель, а значит – удовлетворить потребность.

Понимание в таком случае может быть описано как *способность индивида ставить себя на место другого*. Такая подстановка может совершаться как в действительности, так и в фантазии, воображении. Но самое главное, чтобы она сущностно включала в себя возможность выполнения функций другого в соответствии с теми же самыми *целями*, которые ставит себе другой в своем собственном горизонте целей и потребностей, то есть в своем собственном предметном универсуме. Но что означает *поставить-себя-на-место-другого-в-его-целесообразной-деятельности*? Это означает, что Я должно так встать на место другого, чтобы оказаться способным реализовывать его (другого) деятельность со всеми отсыланиями, характерными для нее. В силу того, что система отсыланий конституируется в результате наложения деятельности на определенный природно-предметный универсум, то и феномен понимания оказывается возможным только тогда, когда Я деятельностно, практически погружается в контекстуальный горизонт этих предметно-смысловых связей деятельности другого. Я могу уразуметь, понять, интенционально-рефлективно схватить нечто от другого (поведение, речь, образ жизни, поступок, текст и т.д.) только тогда, когда структура и содержание моих действий будет *изоморфно* соответствовать структуре и содержанию действий другого. Такого рода интересубъективность достигается в результате *совместной* деятельности. И именно на этой *практической* основе существует возможность проникновения в субъективный мир другого. При этом здесь не надо на свой лад «интерпретировать» поведение другого, как это предлагают делать многочисленные последователи В. Дильтея, и тем самым *привносить* в это «понимание» другого себя самого, «свое собственное». Дильтеевская концепция понимания построена на той модели, согласно которой, чтобы понять другого, надо его действия истолковать на свой собственный лад, то есть *другого сделать собой*, например, средневекового человека наделять свойствами человека современного и сделать его «понятным» для современных людей.

С нашей точки зрения, в основе процедуры понимания должна лежать совершенно *противоположная* схема: чтобы понять другого, надо в некотором отношении самому стать *этим* другим. А это означает, что мы должны не наивно «вживаться в душу» этого другого или «объяснительно понимать» только мотивы действий друго-

го, а научиться *действовать-как-он* в системе его горизонтного универсума отсыланий, ибо только в идентичной (как со стороны мотивов и целеполаганий, так и со стороны предметных связей) деятельности может быть конституирован такой феномен, как интерессубъективность, а значит и понимание.

Таким образом, выходит, что понимание оказывается возможным только тогда, когда индивиды нечто делают идентично, то есть ориентируются на идеализацию *делай-как-я* (*он, другой, они, мы* и т.д.). Причем слово «делай» в данном контексте означает осознанную постановку цели и ее достижение. Конечно, понимание конституируется постепенно, но именно в деятельности совместно-с-другим, когда мы (и я, и другой) достигаем идентичной цели (возможно, и разными способами, но теми, которые *возможны* в горизонте данного конкретного предметного универсума). А в силу того, что наличие цели определяет осмысленность действий, значит, что и понимание как уразумение смысла оказывается возможным только на основе целе-смысло-полагания.

Итак, есть некоторый социально-предметный универсум, в уже сформированной и постоянно формирующейся системе отсыланий которого действует человек. Действуя, человек ставит цели, которые конституируют смысл (осмысленность) этой деятельности. Но содержания целей и способы их достижения *в целом* детерминируются содержанием этого налично-становящегося социально-предметного универсума. Следовательно, чтобы действительно понять Другого, надо в-строиться в структуру и содержание внутренних связей (отсыланий) между целями, средствами, потребностями, условиями и т.д. *данного конкретного* универсума, и «ставить» те же цели в сходных ситуациях, что и Другой. Именно только таким образом возможно приближение к нашему осознанию деятельности Другого. Из такой интерпретации понимания в общественных науках должно возникнуть неизмеримое возрастание роли *биографического* метода (например в истории философии и литературоведении¹), а также роль *конкретно-исторического анализа* в исторических науках. В-живаться надо не столько в «сознание» Другого, сколько в ту целесообразную деятельность и тот предметный мир, который, собственно, и наполняет эту деятельность *конкретным* содержанием. «Сознание» же – это лишь рефлексия предметной деятельности. Вживание-в-сознание – это по крайней мере только второй этап на сложном пути к подлинному пониманию Другого.

¹ Что, несомненно, повлечет за собой интерес к черновикам, переписке и т.д. различных мыслителей. Раньше чаще обращались к опубликованным трудам, как якобы «наиболее адекватно выражающим» позицию автора. Напротив, мы считаем, что официально опубликованные тексты содержат *не все мысли автора*, даже частью противоречат истинным мыслям в силу, например, цензуры (вспомним, природу-Бога у Спинозы, у которого и речи о Боге-то не могло идти в действительности!).

